

## ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК: 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/60/8

Ю.А. Головина

### Н.С. ТАГАНЦЕВ И ДЖ.СТ. МИЛЛЬ: ГОСУДАРСТВО И ЧЕЛОВЕК В СПОРЕ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

*Рассматривается аргументация русского философа права Н.С. Таганцева против смертной казни. Показаны спорные моменты его позиции, которые сравниваются с мнением в защиту смертной казни, выраженным Дж.Ст. Миллем. Анализируются философские и правовые аргументы в пользу и против смертной казни.*

*Ключевые слова: смертная казнь, Н.С. Таганцев, Дж.Ст. Милль, наказание, справедливость, гуманизм.*

Вопрос о смертной казни в нашей стране возникает не в первый раз. В СССР смертная казнь неоднократно отменялась и возвращалась в практику. В период до событий октября 1917 г. история данного явления также была неоднозначной. Одним из важных моментов в этой истории является 1906 г., когда в Первую Государственную думу Российской Империи был внесен проект закона об отмене смертной казни. Единогласно одобренный Думой законопроект далее оказался на рассмотрении Государственного совета, где был отвергнут. Как говорили в Государственном совете, «Дума постановила свое решение в экстазе, в порыве, руководствовалась чувством, а не разумом» [1. С. 151]; если в Думе и были убежденные сторонники сохранения смертной казни, то они «замолчали в себе свои убеждения и при голосовании перешли без колебаний в противоположный лагерь» [1. С. 151]. В Госсовете ситуация оказалась иной. В обсуждении участвовали 12 человек; пять высказались против смертной казни, шесть – в защиту. Далее была создана комиссия, в которую вошли четверо из выступавших в Совете в защиту казни и двое высказывавшихся против нее. Аргументы за отмену смертной казни Государственному Совету представил авторитетный ученый российской юриспруденции Н.С. Таганцев, убежденный противник смертной казни. В выступлении перед Госсоветом он сказал, в частности, следующее: «Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все то, что нецелесообразно, то вредно и при известных условиях несправедливо. И такова смертная казнь. С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене казни» [1. С. 143]. Впоследствии Н.С. Таганцев в сборнике статей о смертной казни указывал, что защитники смертной казни не представили убедительных доводов в пользу своей позиции. По мнению некоторых историков, обсуждение смертной казни в тот момент было неразрывно связано с проблемой развернувшегося в стране террора, противостояние Думы и Правительства от-

ражало позиции политических сил и государственной власти по этим проблемам и привело в итоге к роспуску Думы [2].

Следует отметить, что вопрос о смертной казни в тот период был предметом особого интереса не только в России. Незадолго по историческим меркам до описанных событий в нашей стране, в 1868 г., отмена смертной казни обсуждалась в Парламенте Великобритании. Член Палаты общин Чарльз Гилпин представил ходатайство о запрете смертной казни, обосновав его следующим образом: «Смертная казнь не является целесообразной и необходимой, она не служит тем целям, ради которых учреждена, по самой своей сути она несправедлива, нередко приводит к уничтожению невинной человеческой жизни и далее – она позволяет избежать наказания виновным в жесточайших преступлениях» [3. С. 177]. Ответом на это ходатайство стала речь в защиту смертной казни, с которой выступил член Британского Парламента, философ, экономист Джон Стюарт Милль.

Как видим, в том и другом случае противники смертной казни говорят о ее нецелесообразности. Чем руководствуется государство, когда решает вопрос о смертной казни с помощью права, являясь основным и, по большому счету, единственным творцом последнего, во всяком случае в России? Анализ аргументации, предложенной в 1906 г. Н.С. Таганцевым, может в некотором смысле прояснить это. Вместе с тем смертная казнь связана с жизнью и смертью и потому является философским вопросом. И в этой связи интерес представляют рассуждения в защиту исключительной меры наказания за особенно тяжкие преступления, которые в 1868 г. представил Джон Стюарт Милль.

В сборнике статей о смертной казни Н.С. Таганцев пишет, что обзор обсуждения законопроекта об отмене смертной казни в Госсовете представляет не только исторический, но и практический интерес. Прежде всего, противники смертной казни указывали на ее *нецелесообразность*. Серьезное, на первый взгляд, слово и, соответственно, аргумент поясняются Н.С. Таганцевым следующим образом: «Смертная казнь, как угроза и как реальное наказание, не служит и не может служить задерживающим мотивом преступлений, а потому она нецелесообразна, все же нецелесообразное в механизме государственного управления – вредно» [1. С. 152]. Данный комментарий, вообще говоря, включает и подразумевает целый ряд допущений и утверждений, которые, если их разобрать, уже не кажутся столь же убедительными, как тяжеловесное слово «нецелесообразность». Смертная казнь действительно может рассматриваться как угроза и как реальное наказание. И в таком случае «адресаты» ее будут разными и цели, соответственно, тоже объективно должны быть разными. Далее: «Не служит и не может служить задерживающим мотивом преступлений». О каких преступлениях идет речь? О возможных? О планируемых? О тех, которые уже свершились? Очевидно, уже свершившиеся преступления сдержать невозможно. Вероятно, Н.С. Таганцев и противники смертной казни говорят о тех деяниях, которые государство хотело бы предотвратить в будущем. Но тогда возникает вопрос: если даже угроза смертной казни не может предотвратить некоторые виды преступлений, то стоит ли вообще о чем-либо говорить как о государственной политике в области преступности? Или, быть может, другие виды уголовного наказания демонстрируют исключительную эффективность как механизм сдерживания, и, как результат такого воздействия, мы избавились от каких-то

видов преступных деяний? Ни то ни другое не представляется приемлемым. В таком случае сомнения, видимо, должна вызывать сама цель, которая подразумевается, когда говорят о «нецелесообразности». И тогда становится более понятным, что если цель определена не вполне верно, то и причина «нецелесообразности» будет очевидной. И, наконец, отсылка к «вредности» всего «нецелесообразного» как достаточного условия исключения из механизма государственного управления на фоне изложенных размышлений также не представляется убедительной.

Второй аргумент. «Применение смертной казни *неоправимо*... как судебная ошибка, ее применение является самым страшным видом убийства; она неделима, а потому сохранение ее в лестнице наказаний нарушает основной принцип разумной карательной системы – индивидуализации наказаний» [1. С. 6]. В данном случае Н.С. Таганцев затрагивает сразу несколько важнейших аспектов. Часть из них касаются теории наказания: свойство «неделимости» смертной казни как вида наказания нарушает принцип индивидуализации наказания, если казнь сохраняется в «лестнице наказаний»; принцип индивидуализации является основным для «разумной карательной системы». Смертная казнь действительно «неделима» в отличие, например, от срока заключения, который можно варьировать и изменять в зависимости от обстоятельств дела и характеристик обвиняемого. Однако если мы будем исходить из того, что смертная казнь допустима только в случаях особо тяжких преступлений против жизни, то и вопрос об «индивидуализации» станет в значительной степени проще. Далее. Смертная казнь, учитывая ее характеристики наряду с характеристиками преступного деяния, объективно и очевидно является скорее некой «исключительной мерой», чем одним из видов наказания. И потому ее следует вывести из «лестницы наказаний» (на современном языке – из системы наказаний). Именно так было сделано в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.: смертной казни была посвящена отдельная статья; этим, наряду с самим текстом статьи, подчеркивался исключительный характер данной меры [4]. В этом смысле заслуживают внимания предложения о том, что содержащееся в законе понятие смертной казни должно быть сформулировано отдельно, а не как «вид наказания» [5]. Аспект «разумности» карательной системы в значительной степени пересекается с вопросом о целесообразности смертной казни, поэтому дополнительно обсуждать его нет необходимости. Наиболее спорным в разбираемой цитате видится часть о том, что применение смертной казни «является самым страшным видом убийства». Можно полагать, что Н.С. Таганцев допускает то, что следует расценивать как скрытую посылку: утверждение, что смертная казнь представляет собой убийство, требует отдельного, самостоятельного доказывания и не представляется очевидным и бесспорным хотя бы потому, что убийство – это преступление, это очевидное нарушение чьих-то прав и закона; за всяким преступлением должно следовать наказание. Однако, несомненно, самым сложным в данном случае является объективный аргумент о возможности судебной ошибки и невозможности ее исправить в случае, если смертный приговор приведен в исполнение. Здесь, как представляется, в качестве ответа следует присоединиться к доводам Дж.Ст. Милля, которые будут приведены далее.

Третий аргумент. Смертная казнь *противоречит сущности христианства, и потому как наказание несправедлива*. Этот аргумент излагается как

ответ на попытку защитников смертной казни использовать учение Христа в обоснование своей позиции. Н.С. Таганцев предваряет свой ответ весьма эмоционально: «Остается последний довод, который желательно было бы не слышать при защите смертной казни, – это ссылку на Евангелие. Христос, на кресте взяв грехи мира, – и защита Его именем смертной казни!» [1. С. 24]. Значительная часть дискуссии, излагаемой Н.С. Таганцевым, посвящена спору именно по этому вопросу. Данный аспект мы не обсуждаем, поскольку он требует отдельного самостоятельного и глубокого исследования. Можем сослаться лишь на некоторые современные работы, в которых имеются прямо противоположные утверждения о том, приемлема ли с точки зрения христианства смертная казнь [6, 7]. Стоит заметить также, что и в этом случае в рассуждениях Н.С. Таганцева можно усмотреть скрытую посылку: по сути, им презюмируется несправедливость того, что не соответствует учению Христа.

Четвертым аргументом можно назвать *ряд специфических характеристик российской реальности*. По мнению Н.С. Таганцева, особо несправедливым является применение смертной казни в России по причине особенностей исторического развития русского законодательства, которое дает широкие возможности усмотрения для административных лиц в той или иной местности в силу установления там усиленного, чрезвычайного или военного положения. При установлении такого «особого» положения смертная казнь может быть назначена в рамках сокращенного порядка производства, в результате чего, по большому счету, суд лишен возможности всестороннего обсуждения дела. Сложившееся положение дел в России (революционные бунты, террор) не могут изменить или ослабить приводимые доводы. Ответом на данное соображение могут служить слова Таганцева, о которых речь пойдет далее, при рассмотрении оценки фактов расправы населения над бандами.

Помимо представления своих аргументов против смертной казни, Н.С. Таганцев разбирает доводы тех, кто выступал в ее защиту. О качестве аргументации сторонников смертной казни в споре 1906 г. Н.С. Таганцевым были сказаны следующие слова: защитники ее «не могли сослаться ни на один труд, ни на одно имя среди русских ученых... они должны были, по необходимости, представить не только общие соображения о несвоевременности и даже невозможности ее отмены... они должны были привести и фактические данные или теоретические соображения, которые подкрепляли бы эти положения» [8. С. 8]. В обоснование этого мнения в отношении каждого из аргументов защитников смертной казни Н.С. Таганцев приводит свои комментарии.

*Опыт цивилизованных государств, которые не только сохранили смертную казнь, но после ее отмены вновь вернули (Германия, Швейцария, США).* Обстоятельства отмены и возвращения смертной казни позволяют говорить о значительной доле политической составляющей, включая борьбу высшей государственной власти с более низкими ее уровнями (протест отдельных кантонов в Швейцарии в связи с пересмотром союзной конституции, объединение земель в Германии при Бисмарке). В отношении Америки позиция Н.С. Таганцева сформулирована не вполне однозначно со ссылкой на недостаток данных: из общих сочинений по уголовному праву известно, что

законодательство большинства штатов угрожает смертной казнью, которая отменена в четырех штатах, только за весьма немногие преступления (тяжкие виды преднамеренного убийства). В четырех штатах в 1902 г., и в четырех в 1903 г. была установлена смертная казнь за посягательство на высших чиновников.

*Статистические данные.* Статистика других стран показывает, что отмена или неприменение смертной казни не ведут к увеличению числа преступлений, за которые она назначалась. По мнению противников смертной казни, в этом состоит убедительный аргумент в пользу их позиции. Сторонники смертной казни не могут возразить ничего против этого соображения, приводимые ими данные не вполне точны, и Н.С. Таганцев их опровергает либо уточняет, полагая, что дает тем самым дополнительный довод в пользу своей точки зрения. Однако сам он в этом случае демонстрирует некоторую непоследовательность, поскольку далее указывает: «Вообще исследователи социальной стороны преступности давно уже представили несомненные доказательства, что факторы преступности, а в частности и причины, заправляющие ее ростом, лежат в экономических и социальных условиях общественной жизни и слишком мало зависят от суровости наказаний» [8. С. 16]. По сути, такое положение дел говорит о бесперспективности вообще каких-либо попыток сделать обоснованные выводы из статистических данных о динамике преступности, фиксируемых после изменений наказания.

*Революционное движение.* Целесообразность сохранения смертной казни пытались обосновать необходимостью сдерживать нарастающее революционное движение. Ответ Н.С. Таганцева на это соображение выглядит корректным и убедительным: «...одними чувствительными словами и рассуждениями, одними благопожеланиями, даже одною строгою законностью остановить разыгравшееся революционное движение, подавить вспыхнувшее восстание нельзя. Для этого необходимы часто кровь и жертвы, но ведь мы рассуждаем не об этих мерах государственной защиты, а о целесообразности смертной казни, как акта правосудия» [8. С. 14]. Сложность и даже противоречивость данного ответа заключается в том, что смертная казнь в России того периода назначалась по большей части именно за преступления против государства и государственной власти, и в этом смысле крайне трудно рассматривать ее как «акт правосудия», поскольку она действительно к этому моменту уже в течение длительного периода использовалась как средство защиты интересов государства. Как пишет С.В. Жильцов, смертная казнь за убийство в истории отечественного права была явлением закономерным и происходила из обычая кровной мести, исполнение которого было обязанностью и «законом» неписаного права [9]. Однако уже к концу IX в. княжеская власть не могла обойтись без вмешательства в нормы обычного права, и природное предназначение смертной казни изменяется, дальнейшее распространение смертной казни происходит под влиянием византийского права при участии русской христианской церкви; «в период федеральной раздробленности и формирования единого Русского государства дальнейшее расширение применения смертной казни в отечественном праве связано с назначением этой меры за государственные преступления» [9].

*Право решения вопроса о смертной казни.* Защитники смертной казни в рассматриваемом споре указывали, что Государственная Дума не правомочна

решать вопрос о смертной казни, в особенности в отношении применения ее в военное время. Также они обращали внимание на то, что организованные группы, которые устраивают террор в стране, – по сути, враги, которых вполне можно уподобить внешним врагам, исходя из их действий. Н.С. Таганцев не оспаривает неправомочность Государственной Думы, однако в остальном не соглашается с этим доводом.

*Фактическое применение смертной казни в стране в отношении бандитов силами населения (расправа).* В защиту смертной казни были приведены факты самосуда населения над бандитами. Эти примеры трактовались как свидетельство того, что отмена смертной казни не соответствовала бы воззрениям русского народа. Ответ Н.С. Таганцева представляется интересным и не вполне однозначным: «Положим, что все это справедливо, но как вывести отсюда доказательство необходимости удержания смертной казни, как акта правосудия, за те преступные деяния, за которые она назначается по нашим законам?» [8. С. 22]. Во-первых, в данном высказывании ученый допускает и справедливость смертной казни, и ее укорененность в нравах населения. Во-вторых, будучи юристом, он, очевидно, не может согласиться с тем, что самосуд – это нормально. В-третьих, по сути, он высказывает сомнения в отношении оправданности смертной казни не вообще, а за те преступления, которые предусмотрены законом. На тот момент это преступления против государственной власти, а также «карантинные» и воинские. Таким образом, представленный Н.С. Таганцевым ответ нельзя признать доводом в пользу противников смертной казни или утверждением, опровергающим довод сторонников смертной казни; в большей степени это констатация несовершенства закона и, соответственно, низкой эффективности, если не сказать неэффективности, государственной власти предложить адекватный ответ на обострение социально-экономической и политической ситуации в стране.

Однако этим он не ограничивается и высказывает следующее соображение: «Даже в борьбе с отдельными явлениями, с преступностью, законодатель не должен забывать, что служит общей цели государства – развитию народной жизни, а тем самым и общему прогрессу человечества, осуществлению его идеалов. Кровавый призрак отдельных злодеяний, как бы глубоко они не потрясали нравственное чувство каждого, не должен заволакивать твердый и спокойный взгляд законодателя, устремленный в будущее» [8. С. 23]. Приведенная цитата свидетельствует о признании безусловного приоритета государственных интересов над частными. Возможно, это просто слишком эмоциональный ответ, поскольку речь идет об изложении реальной, крайне актуальной и весьма жесткой дискуссии. Тем более что есть и другое суждение: «В водворении порядка, ненарушимости прав, неприкосновенности личности и устранении произвола в управлении нужно искать оплота государственности и культуры, а не в развращающем общество пролитии крови человека. Горе тем, кто питает вражду и ненависть и будит в человеке зверя – будут ли это революционные безумцы, будут ли это мнимые охранители отжившего строя» [8. С. 14].

*«Голос» жертв убийств (в том числе террора) – невинных исполнителей государственной службы и их семей.* Реальность заключалась в том, что во многих случаях жертвами революционного террора становились добросовестные служители государства и члены их семей. Отвечая на этот до-

вод, Н.С. Таганцев обращается к истории. Кровная месть была узаконена в ст. 1 «Русской Правды», однако уже в третьей ее редакции (XII в.) норма «смерть за смерть» была отменена. «Итак, в XII веке наши князья отменили законом „смерть за смерть“, и, притом не поднимая вопроса о том, что скажут семьи убитых. Неужели же теперь, законодатель XX в. не может разрешить вопроса о смертной казни, руководствуясь только началами правды и государственного блага?» – пишет философ [8. С. 24]. Такой ответ затруднительно прокомментировать однозначно. Прежде всего, напрашивается историческая параллель с современной ситуацией, когда государственная власть, не выясняя мнения населения и не особо заботясь об интересах жертв преступлений, запретила смертную казнь. С одной стороны, представляется сомнительным игнорировать аспект прав пострадавших. С другой стороны, при буквальном прочтении мы снова видим именно мысль о безусловном приоритете интересов государственной власти над правами и интересами человека и допущение возможной правомерности неограниченных прав государства. Остается лишь вопрос: что понимается Н.С. Таганцевым в таком случае под *правдой*?

В качестве резюме изложенного спора представляется полезным дать комментарии по двум отдельным аспектам:

1. Исходя из материалов дискуссии 1906 г. в Госсовете, можно предположить, что главный интерес государственной власти в вопросе о смертной казни был связан с необходимостью подавления революционного движения. Набор составов преступлений (в современной терминологии), за которые предусматривалась смертная казнь в рассматриваемый период [10], сам собою показывает направленность этой меры наказания на защиту интересов государственной власти. Обе спорящие стороны ссылаются на сложное положение в России, однако каждая из них делает из этого выводы в обоснование своей позиции. Сторонники смертной казни питают надежды остановить развернувшийся в стране террор. Н.С. Таганцев, являясь известным авторитетом в области права, убедительно отвечает, что речь должна идти о смертной казни как об акте правосудия, а не как о средстве противодействия революционному движению. При этом он подчеркивает недостатки правовой системы, в особенности в части судопроизводства, что, вообще говоря, является прямым и очевидным указанием на неспособность государственной власти исполнять свои функции. Такую трактовку можно подтвердить следующей цитатой: «Негодное оружие не только не помогает, но вредит защите государственной безопасности, ибо, в надежде на него, нередко власть засыпает тогда, когда ей нужно сугубо бодрствовать» [8. С. 19].

2. И сторонники и противники смертной казни так или иначе используют для обоснования своих позиций статистические данные. На тот период науке уже известно, что преступность как явление связана как с индивидуальными характеристиками личности потенциального преступника, так и с социально-экономической ситуацией. Об этом пишет и сам Н.С. Таганцев, и вместе с тем использует ссылки на статистические данные. В таком случае сравнение статистических показателей в разные периоды, тем более в разных странах, вообще мало о чем может объективно свидетельствовать, если пытаться этими данными обосновать причинно-следственную связь между применением (неприменением) смертной казни и преступностью, поскольку при этом ни-

кто, как правило, не анализирует показатели в социальных и экономических процессах. Более того, такой анализ вряд ли возможен с достаточной степенью достоверности и обоснованности в силу сложности подобной модели. Вероятно, следует полагать, что данный класс аргументов бесполезен для обеих позиций в споре о смертной казни.

Однако наиболее удивительными представляются ответы Н.С. Таганцева на два соображения защитников смертной казни. Эти соображения непосредственно относятся к «сфере человеческого», если можно так выразиться, поскольку касаются расправы населения с бандитами (в некотором смысле такие факты отождествляются со смертной казнью) и «голоса» жертв убийств (на современном языке – прав жертв преступлений). Допуская *справедливость* народной расправы и *глубокое потрясение чувств* каждого как результат тяжких преступлений, Н.С. Таганцев дает ответ как будто из другой плоскости, ссылаясь на государственные блага и позицию законодателя (отмена кровной мести, т.е. убийства в отмщение, еще в XII в., необходимость спокойного, устремленного в будущее взгляда законодателя). Думается, что по сути своей это есть более глобальный вопрос – вопрос о соотношении прав человека и интересов государства.

И здесь уместно напомнить о том, что на сегодняшний день помимо Протокола № 6 об отмене смертной казни в мирное время существует, например, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая 29.11.1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН. В соответствии с этим документом к жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство; они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством; в тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации жертвам и семьям [11]. И в этой связи возникает вопрос: почему правам лица, совершившего особо тяжкое преступление, должно уделяться значительное большее внимание, чем правам жертв его деяния?

Доводы противников смертной казни в дискуссии 1906 г., как утверждает Н.С. Таганцев, опирались на науку и законодательный опыт Запада [8. С. 5]. И потому представляется странным, что в позиции видного и авторитетного ученого никак не отражен опыт Великобритании по отмене смертной казни. Тем более это выглядит удивительным, учитывая тот факт, что уже вышло «Исследование о смертной казни» А.Ф. Кистяковского, который саму смену подхода к дискуссии и решению вопроса о смертной казни связывал с работой представительных органов власти Англии и уже на их примере – Франции, и отмечал: «Англия издавна была классическою страню смертных казней, а город Лондон получил нелестное прозвище города виселищ» [12. С. 116].

Опыт Англии интересен своей спецификой по сравнению с другими европейскими государствами. Уголовное законодательство этой страны оставалось без изменений до начала XIX в. и предусматривало 200 «смертных» преступлений, в том числе за воровство пяти шиллингов в лавке и сорока шиллингов в доме [12. С. 144]. В силу явного несоответствия суровости наказания некоторым видам преступлений именно в Англии наиболее ярко про-

являлось «расхождение» закона и практики в отношении смертной казни: нигде закон «до такой степени не расходился с жизнью, как в Англии. Поэтому ни один европейский законодатель XIX в. не поставлен был обстоятельствами в такую необходимость произвести столько отмен смертных казней, в какую поставлен был английский» [12. С. 157]. Противодействие назначению явно несоразмерного некоторым видам преступлений наказания в виде смертной казни со стороны судов, присяжных и общества в целом приводило к фактическому освобождению от наказания даже в явных случаях преступлений. В итоге преступники стали рассчитывать на безнаказанность некоторых деяний. Отмена смертной казни в Англии началась в 1808 г. с того, что один из знаменитых адвокатов своего времени Самуил Ромильи внес в Палату депутатов билль об отмене казни за «воровство-мошенничество». В обоснование необходимости этой отмены был приведен ряд доводов, подкрепленных статистическими данными: «Положительное отвращение от назначения смертной казни за эти преступления – обвинителей, свидетелей, присяжных; ненаказанность, отсюда происходящую; увеличение количества осуждений после отмены смертной казни за некоторые преступления» [12. С. 16]. Этот билль Ромильи был принят Палатой, а несколько последующих – отвергнуты. Далее, с 1830 г. была отменена смертная казнь за подделку банковских билетов в ответ на петицию, поданную в парламент за подписью 1 тыс. банкиров. Однако, как пишет А.Ф. Кистяковский, «настоящая эпоха отмены смертной казни в Англии начинается с того времени, когда было расширено представительство английского народа, и в парламент были допущены в значительном количестве депутаты из среднего сословия, лучше понимающие потребности страны» [12. С. 157]. Смертная казнь была отменена за целый ряд преступлений, для которых она была явно нсоразмерна: подделка монеты, воровство лошадей, скота и овец, воровство в жилом доме, многие подлоги, насильственное вторжение в дом, возвращение из ссылки, святотатство и кража писем. Внесенный в парламент в 1840 г. депутатом Эвартом билль об отмене смертной казни за все преступления был отклонен большинством голосов (160 против 90), однако количество смертных преступлений вновь было сокращено. В 1841 г. было исключено еще 5 «смертных» составов и сохранено 11, а в 1861 г. смертная казнь была оставлена только за государственную измену, преднамеренное и умышленное убийство и покушение на них [12. С. 159].

Важно, что решения обо всех этих отменах смертной казни за отдельные преступления принимались не просто на основе внесенных биллей. В 1819 г. в Англии была учреждена комиссия с целью изучить все постановления о «смертных» преступлениях и определить соответствие данного вида наказания преступлению. Работа комиссии состояла из трех основных частей: систематизация («привели в известность современное состояние») уголовного законодательства и законов о смертной казни; сбор и анализ статистических данных; опрос экспертов (те, кто наблюдал осужденных перед казнью, т.е. директора тюрем, врачи, тюремные священники, те, кто общался с осужденными, т.е. судьи, государственные прокуроры и адвокаты, а также граждане из разных слоев общества). Подобные комиссии создавались впоследствии еще несколько раз, результаты их исследований публиковались, на их изысканиях были основаны законы, которыми отменялась смертная казнь за

те или иные преступления. Все эти работы проводились в законодательных целях. Помимо них усилиями частных лиц было опубликовано значительное число статей, отчетов, исследований, касающихся рассматриваемой проблемы. Это «философско-позитивное», как назвал его А.Ф. Кистяковский, направление, которое задали англичане для решения вопросов, связанных со смертной казнью, в дальнейшем, по его мнению, оказало значительное влияние на французских и немецких ученых [12. С. 18].

Дж.Ст. Милль выступил в Парламенте Великобритании в 1868 г. в ответ на очередное ходатайство о запрете смертной казни. Он начинает свою речь с того, что благодаря деятельности филантропов теперь смертью карается практически единственное преступление – убийство с отягчающими обстоятельствами, и вопрос касается того, должно ли быть сохранено исключительное наказание в этом единственном случае. Такую «исключительность» смертной казни Дж.Ст. Милль называет «огромным обретением не только для человечества, но и для целей уголовного права», отмечая, что это является результатом деятельности филантропов, которая до определенного момента была чрезвычайно благотворной. Однако существует момент, когда ее следует остановить. Что это за момент, Милль не уточняет прямо, однако сразу за упоминанием о нем говорит следующее: «Когда кто-либо был уличен посредством неопровержимого доказательства в совершении тяжелейшего из известных праву преступлений, и когда сопутствующие обстоятельства не смягчают вину, не дают никакой надежды на то, что подсудимый хотя бы до совершения этого преступления не был недостоин жить среди людей, – ничего, что указывало бы на возможность того, что преступление было скорее исключением для его характера в целом, нежели его следствием; тогда я думаю, лишить преступника жизни, которой он показал себя недостойным, – торжественно вычеркнуть его из человеческого сообщества и из списка живущих – это самый подходящий способ, поскольку является безусловно самым впечатляющим. Посредством него общество может применить к такому тяжкому преступлению необходимое в целях безопасности жизни уголовно-правовое последствие» [13. С. 184]. Не имея юридического образования, Дж.Ст. Милль в этой фразе достаточно четко и однозначно формулирует и условия применения исключительной меры наказания (доказанное виновное совершение лицом убийства с отягчающими обстоятельствами), и ее особый смысл (характеристика совершенного деяния настолько негативна и отрицательна, что не позволяет сохранить совершившему его лицу жизнь в человеческом сообществе), причем делает это как на языке права, так и на понятном, обыденном языке. В общем-то, уже этих соображений может быть достаточно для аргументации необходимости сохранения возможности применения исключительной меры наказания. Тем не менее Дж.Ст. Милль приводит и другие доводы.

Прежде всего, он обращается к гуманизму, ярко описывая пожизненное заключение и тяжелый труд, которые могли бы рассматриваться в качестве альтернативного смертной казни наказания за убийство с отягчающими обстоятельствами: «Как же в самом деле можно сравнивать, с точки зрения суровости, приговор человека к кратковременной боли от быстрой смерти, с заключением его в живую могилу, с жалким и вероятно долгим существованием в тяжелейшем монотонном труде без каких-либо облегчений и поощре-

ний, лишенным всех приятных видов и звуков, малейшей надежды, за исключением незначительного ослабления физического ограничения или ничтожного улучшения питания?» [13. С. 185]. Действительно ли это милосердие? Потому именно соображения гуманизма, по мнению Дж.Ст. Милля, обосновывают применение в таких крайних случаях смертной казни.

Интересными представляются рассуждения Дж.Ст. Милля о свойствах и эффективности наказания. По его мнению, наказание должно выглядеть более суровым, чем является таковым на самом деле, поскольку именно от того, каким оно кажется, зависит его сила на практике. Довод противников смертной казни о ее несостоятельности на основании поведения «закоренелых преступников» Милль не принимает, полагая, что наказание действует главным образом через воображение, и потому эффективность наказания должна связываться с тем впечатлением, которое оно производит на еще невинных, когда мысль о совершении преступления только зародилась, а также с «той сдерживающей силой, которую наказание прилагает к постепенному, никогда не случающемуся вдруг, соскальзыванию в состояние, в котором преступление больше не вызывает отвращения и наказание больше не ужасает» [13. С. 187]. При этом крайне важно, чтобы смертная казнь действительно сохраняла свой исключительный характер, а не становилась чем-то обыденным. Это означает, что сфера ее применения – только случаи самых зверских преступлений. Таким образом, Дж.Ст. Милль совершенно четко проводит различие между «адресатами» цели предупреждения наказания в виде смертной казни: лица, совершившие особо тяжкое преступление, к ним не относятся в принципе; они должны быть исключены из списка живущих; смертная казнь призвана вызывать ужас у тех, кто еще не стал преступником. Далее, отвечая на аргумент противников смертной казни о том, будто абсурдно полагать, что, разрушая жизнь (приводя в исполнение смертный приговор в отношении преступника), мы можем научить уважать ее, он одновременно и показывает механизм действия наказания вообще, и подчеркивает исключительность смертной казни в частности: «Разве штрафование преступника демонстрирует недостаток уважения к собственности или заключение его в тюрьму – к личной свободе? Точно так же неразумно считать, что лишить жизни человека, который лишил жизни другого, значит демонстрировать недостаток уважения к человеческой жизни. Мы, напротив, самым решительным образом демонстрируем наше уважение к ней посредством принятия закона о том, что тот, кто нарушает данное право другого, сам утрачивает его, и что если никакое другое преступление, которое он может совершить, не лишает права на жизнь, то данное – лишает» [13. С. 189].

Единственный аргумент против смертной казни, который Дж.Ст. Милль признает сильным, – это возможность судебной ошибки, которую в случае исполнения наказания уже невозможно будет исправить. Однако он не считает, что возможность добиться положения, при котором такие случаи будут крайне редкими, отсутствует. В обоснование своего мнения он приводит несколько соображений общего характера о судебной системе, а также более частного порядка – об ответственности людей, участвующих в отправлении правосудия. Прежде всего, «данный аргумент не преодолит там, где механизм уголовного судопроизводства представляет опасность для невиновных или там, где нет доверия судам» [13. С. 190]. Никакое суждение человека,

полагает Милль, непогрешимым не является, однако судебная система всегда оказывается на стороне обвиняемого, если имеются какие-либо сомнения в его виновности. Более того, сама возможность назначения исключительной меры наказания должна заставить тех, кто принимает подобное решение, быть максимально внимательными и бдительными. Наконец, у суда есть возможность рекомендовать Короне смягчить приговор.

Завершая анализ аргументации Дж.Ст. Милля за сохранение смертной казни, стоит добавить, что в его речи содержались также общеполитические аксиологические размышления: почему лишение человека жизни может вызывать большее потрясение, чем лишение его всего того, что делает эту жизнь ценной; действительно ли смерть есть наибольшее из земных зол и несчастий, и как эту позицию соотносить с мужеством, которое издревле воспитывалось человеком; священными должны быть чувства человека, а не человеческая жизнь как таковая. В заключении своей речи Дж.Ст. Милль выразил надежду, «что по вопросу о полной отмене смертной казни *чувства страны*» не на стороне тех, кто предлагает ее отменить.

Мысль Дж.Ст. Милля о том, что позиционируемое в качестве альтернативы смертной казни наказание в виде пожизненного лишения свободы должно быть отвергнуто именно по соображениям гуманизма, в наше время подтверждается. «Выступая против смертной казни, ее противники не предполагают иных мер борьбы с убийствами, ограничиваясь пожизненным лишением свободы. А как свидетельствуют научные исследования, вопрос о тяжести смертной казни и пожизненного лишения свободы расценивается неоднозначно. Немалая часть граждан, да и сами осужденные к пожизненному лишению свободы, считают, что это наказание не является более мягким, чем смертная казнь, полагая, что пожизненное лишение свободы – тоже смертная казнь, но в рассрочку» [6]. Результаты медицинских и психологических исследований показывают, что ни физически, ни психически человек не может быть нормальным даже после двадцатипятилетнего срока, проведенного в камере [6]. Применение пожизненного лишения свободы вызывает немало вопросов, включая, помимо собственно правовых, также вопросы иного уровня: «корректно ли использовать условно-досрочное освобождение для таких категорий преступников и гуманно ли на самом деле такое наказание?» [14], во имя чего стоит содержать человека в заключении пожизненно? [6]. Поэтому, несмотря на поддерживаемое в течение довольно длительного времени положение, при котором смертная казнь фактически не применяется в нашей стране, данная тема представляется актуальной. Вряд ли ее можно считать закрытой и решенной, во всяком случае, до тех пор, пока хоть какое-то количество людей становится жертвами особо тяжких преступлений. Именно и только такой подход, как представляется, соответствует положению дел в государстве, где действительно осознается и признается ценность человеческой жизни.

Думается, что в целом в позиции Дж.Ст. Милля больше уважения к человеку, больше гуманизма и больше демократии. И права, вероятно, тоже. Вместе с тем следует признать, что условия, в которых сформировано мнение Н.С. Таганцева, существенно отличаются от тех, в которых находился английский философ. В Великобритании была проведена глубоко продуманная работа по исследованию проблемы, были найдены способы и механизмы

обоснования отмены казни за преступления, тяжести которых столь суровое воздаяние не соответствовало: на протяжении нескольких десятков лет выслушивались и исследовались мнения экспертов, ученых, населения; собирались и анализировались различные статистические данные; юридическая практика допускала судебское усмотрение, достаточное для того, чтобы зафиксировать «расхождение жизни и закона»; отдельные группы людей четко выражали свою позицию по отношению к смертной казни за отдельные виды преступлений; проходили дебаты в парламенте, где были представлены различные слои населения; результаты исследований публиковались как государством, так и усилиями частных лиц. В итоге к моменту выступления Милля смертная казнь сохранялась за особо тяжкие убийства, т.е. преступные виновные деяния с отягчающими обстоятельствами, безвозвратными жертвами которых становились конкретные люди. В этом смысле не удивительно, что Милль не обращается ни к какой статистике. Он говорит о человеке, о его жизни, о ценностях, о том, зачем вообще нужно жестко реагировать на данный вид преступлений. Он обоснованно рассуждает с позиций «вечных» вопросов, которые и есть единственно правильные в данной ситуации. В России конца XIX – начала XX в. ситуация была совершенно иной. Как указывает и сам Н.С. Таганцев, кровная месть, т.е. убийство в отмщение за убийство, была запрещена русскими князьями еще в XII в.; «поток и разграбление», равно как впоследствии и каторга, и рудники, а также ряд телесных наказаний, конечно, не являлись смертной казнью в смысле непосредственного лишения жизни, однако ясно, что это были жесточайшие наказания, которые, по большому счету, лишь маскировали неизбежную тяжелую смерть осужденного. Соответственно, в течение длительного периода смертная казнь сохранялась и предусматривалась главным образом как возможное средство защиты государственной власти. Как пишет С.В. Жильцов, «весь период истории отечественного государства и права свидетельствует о том, что вопрос о применении смертной казни решался с политических позиций; объектом защиты являлось государство – его безопасность, целостность, собственность, но не человек – его жизнь; смертная казнь использовалась в качестве устрашения и возмездия, но отнюдь не как справедливое наказание за совершение тяжких преступлений против жизни человека; была искажена сама суть предназначения смертной казни, исходя из истории ее происхождения» [9]. С особой остротой эта тема проявилась в период революционного террора конца XIX – начала XX в. Усугублялось положение тем, что существовала законодательно установленная возможность вынесения смертного приговора в рамках сокращенной судебной процедуры.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в русской научной элите, включая Н.С. Таганцева, было немало противников смертной казни. Возможно, что изначальный смысл исключительной меры как равноценного воздаяния и кары за особо тяжкое убийство был утрачен. И вместе с ним, возможно, осознание и признание ценности жизни.

#### *Литература*

1. Таганцев Н.С. Смертная казнь : сб. ст. СПб. : Государственная Типография, 1913. 335 с.
2. Портнягина Н.А. I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора. 2013 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-gosudarstvennaya-duma-v-borbe-za-vlast-otsenka-revolutsionnogo-terrora> (дата обращения: 09.03.2021).

3. *Артёмьева О.В.* Предисловие к публикации // *Этическая мысль*. 2009. Вып. 9. М. : РАН, Институт философии. С. 177–182.
4. *Уголовный кодекс РСФСР* (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 27.08.1993) (утратил силу) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
5. *Щетинин А.А.* Юридическая трансформация института смертной казни в системе российского государственно-правового принуждения : автореф. ... канд. юрид. наук. 2004. URL: <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskaya-transformatsiya-instituta-smertnoi-kazni-v-sisteme-rossiiskogo-gosudarstvenno> (дата обращения: 09.03.2021).
6. *Андреева В.Н.* Смертная казнь и пожизненное лишение свободы как ее альтернатива : автореф. ... канд. юрид. наук. 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-i-pozhiznennoe-lishenie-svobody-kak-ee-alternativa> (дата обращения: 09.03.2021).
7. *Лепешкина О.И.* Смертная казнь как уголовно-правовой институт : автореф. ... канд. юрид. наук. 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-kak-ugolovno-pravovoi-institut> (дата обращения: 09.03.2021).
8. *Таганцев Н.С.* Законопроект о смертной казни в Государственном Совете. Сессия 1906 г. Т. VI. URL: <https://www.litres.ru/n-tagancev/zakonoproekt-o-smertnoy-kazni-v-gosudarstvennom-sovete-sessiya-1906-goda-tom-vi/> (дата обращения: 09.05.2019).
9. *Жильцов С.В.* Смертная казнь в истории отечественного права : автореф. ... д-ра юрид. наук. 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-v-istorii-otechestvennogo-prava> (дата обращения: 09.03.2021).
10. *Таганцев Н.С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года : 5-е изд., доп. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1886. 714 с.
11. *Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью* (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2021. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та. (Документ опубликован не был.)
12. *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. Тула : Автограф, 2000. 272 с.
13. *Милль Дж.Ст.* Речь в защиту смертной казни (1868) // *Этическая мысль*. 2009. Вып. 9. М. : РАН, Институт философии. С. 183–192.
14. *Тирранен В.А.* Высшие меры наказания в России и зарубежных странах : автореф. ... канд. юрид. наук. 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/vysshie-mery-nakazaniya-v-rossii-i-zarubezhnykh-stranakh> (дата обращения: 09.03.2021).

**Yulia A. Golovina**, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: [jagolovina@gmail.com](mailto:jagolovina@gmail.com)

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2021. 60. pp. 74–88.

DOI: 10.17223/1998863X/60/8

#### **NIKOLAI TAGANTSEV AND JOHN STUART MILL: STATE AND MAN IN THE DEATH PENALTY DISPUTE**

**Keywords:** death penalty; Nikolai Tagantsev; John Stuart Mill; punishment; justice; humanism.

The question of the death penalty has repeatedly arisen in Russia and other countries. In 1906, the First State Duma and the State Council of the Russian Empire considered a bill to abolish the death penalty. Nikolai Tagantsev supported the bill. The inexpediency of the death penalty as a form of punishment, statistical data, the specifics of the historical moment and the shortcomings of the Russian judicial system, inconsistency with Christian teachings, and the death penalty's defenders weak reasoning were Tagantsev's arguments. In 1868, the British Parliament considered the proposal to abolish the death penalty. John Stuart Mill supported the exceptional measure of punishment for especially grievous murders. He spoke about the value of human life, the sacredness of human feelings that make up this value, about punishment, the right to life and the grounds for depriving of this right. Mill argued that the alternative to the death penalty in the form of life imprisonment is not in line with considerations of humanism. Aleksandr Kistyakovsky described the approach to solving the death penalty question the British used throughout the 19th century as "philosophical positive". Mill's argument about the inconsistency of life imprisonment with humanism considerations is consistent with modern science, which confirms the extreme degree of gravity and severity of this type of punishment. Tagantsev's opinion primarily reflects the interests of the state. Mill is building his arguments based on philosophical concepts that are close to human beings. Historically, the death

penalty evolved from the custom of blood feud, and people used it as a retribution (recognized as just) and punishment for murders. Over time, in Russia, this type of punishment became mainly a means of protecting the state. Mill's position seems to be a more proper approach to addressing the issue of the death penalty as an exceptional measure applied to a person guilty of an especially grievous murder.

### References

1. Tagantsev, N.S. (1913) *Smertnaya kazn'* [Death Penalty]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya Tipografiya.
2. Portnyagina, N.A. (2013) *I Gosudarstvennaya дума v bor'be za vlast': otsenka revolyutsionnogo terror* [I State Duma in the Struggle for Power: Assessment of the Revolutionary Terror]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-gosudarstvennaya-duma-v-borbe-za-vlast-otsenka-revolutsionnogo-terrora> (Accessed: 9th March 2021).
3. Artemieva, O.V. (2009) Predislovie k publikatsii [Preface to publication]. *Eticheskaya mysl'*. 9. pp. 177–182.
4. Russia. (2018) *Ugolovnyy kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 27.08.1993) (utratil silu)* [The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960) (revised on August 27, 1993) (no longer in force)]. [Online] Available from: Kon-sultantPlyus.
5. Shchetinin, A.A. (2004) *Yuridicheskaya transformatsiya instituta smertnoy kazni v sisteme rossiyskogo gosudarstvenno-pravovogo prinuzhdeniya* [Legal transformation of the institution of the death penalty in the system of Russian state-legal coercion]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskaya-transformatsiya-instituta-smertnoi-kazni-v-sisteme-rossiyskogo-gosudarstvenno> (Accessed: 9th March 2021).
6. Andreeva, V.N. (2000) *Smertnaya kazn' i pozhiznennoe lishenie svobody kak ee al'ternativa* [The death penalty and life imprisonment as its alternative]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-i-pozhiznennoe-lishenie-svobody-kak-ee-al'ternativa> (Accessed: 9th March 2021).
7. Lepeshkina, O.I. (2003) *Smertnaya kazn' kak ugolovno-pravovoy institut* [The death penalty as a criminal law institution]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-kak-ugolovno-pravovoi-institut> (Accessed: 9th March 2021).
8. Tagantsev, N.S. (1906) *Zakonoproekt o smertnoy kazni v Gosudarstvennom Sovete. Sessiya 1906 goda* [The death penalty bill in the Council of State. Session 1906]. Vol. VI. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/n-tagancev/zakonoproekt-o-smertnoy-kazni-v-gosudarstvennom-sovete-sessiya-1906-goda-tom-vi/> (Accessed: 9th May 2019).
9. Zhiltsov, S.V. (2002) *Smertnaya kazn' v istorii otechestvennogo prava* [The death penalty in the history of Russian law]. Abstract of Law Dr. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-v-istorii-otechestvennogo-prava> (Accessed: 9th March 2021).
10. Tagantsev, N.S. (1886) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [The Code on Penal and Correctional Punishments of 1885]. 5th ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
11. UNO. (2021) *Deklaratsiya osnovnykh printsiptov pravosudiya dlya zhertv prestupleniy i zloupotrebleniy vlast'yu (Prinyata 29.11.1985 Rezolyutsiey 40/34 General'noy Assamblei OON)* [Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power (Adopted on November 29, 1985, by Resolution 40/34 of the UN General Assembly)]. [Online] Available from: Konsul'-tant Plyus.
12. Kistyakovskiy, A.F. (2000) *Issledovanie o smertnoy kazni* [A Study on the Death Penalty]. Tula: Avtograf.
13. Mill, J.St. (2009) *Rech' v zashchitu smertnoy kazni (1868)* [Speech in Defense of the Death Penalty (1868)]. *Eticheskaya mysl'*. 9. pp. 183–192.
14. Tirranen, V.A. (2011) *Vysshie mery nakazaniya v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Capital Punishment in Russia and Foreign Countries]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/vysshie-mery-nakazaniya-v-rossii-i-zarubezhnykh-stranakh> (Accessed: 9th March 2021).